

Преступление и наказание.
Роман в шести частях с эпилогом.
Ф. М. Достоевского.

Статья вторая и последняя

Раскольников не есть тип. То есть он не настолько своеобразен, не представляет таких определенных и органически связанных между собою черт, чтобы его образ носился перед нами, как живое лицо. В частности же — это не есть тип нигилистический, но видоизменение того типа настоящего нигилиста, который всем более или менее знаком и который всех раньше и всех метче был угадан Тургеневым в его *Базарове*.

Что же? Мешает это роману? Те, кто читал роман, мы думаем, согласятся с нами, что отсутствие большей типичности здесь не вредит, а даже как будто способствует делу. Неопределенность, *молодая* неопределенность и неустановленность Раскольникова очень идет к его *фантастическому* (по словам Порфирия) поступку. Кроме того, невольно чувствуется, что Базаров никаким образом не совершил бы *так* и *такого* дела. Человек, следовательно, выбран г. Достоевским нельзя сказать, чтобы не верно.

Но главное, очевидно, здесь не в человеке, не в обрисовке известного типа. Не здесь центр тяжести романа. Цель романа состоит не в том, чтобы вывести перед глазами читателей какой-нибудь новый тип, изобразить нам «бедных» людей, «подпольного» человека, людей «мертвого дома», «отцов и детей» и т. д. Весь роман сосредоточивается около одного поступка, около того, как родилось и совершилось некоторое *действие* и какие повлекло за собою последствия в душе совершившего. Так роман и называется; на нем надписано не имя человека, а название события, с ним случившегося. Предмет обозначен вполне ясно: дело идет о *преступлении и наказании*.

И в этом отношении всякий согласится, что роман г. Достоевского очень типичен. Удивительно типично изображены все те процессы, которые совершаются в душе преступника; вот

что составляет главную тему романа и что поражает в нем читателей. Живо и глубоко схвачено в нем то, как идея преступления зарождается и укрепляется в человеке, как борется с нею душа, инстинктивно чувствуя ужас этой идеи; как человек, вскормивший в себе злую мысль, почти лишается наконец воли и разума и слепо повинуется ей; как он *механически* совершает преступление, долго созревавшее в нем органически; как пробуждается в нем потом боязнь, подозрительность, злоба к людям, от которых ему грозит кара; как начинает он чувствовать омерзение к себе и к своему делу; как прикосновение живой и теплой жизни пробуждает в нем муки бессознательного раскаяния; как, наконец, ожесточенная душа не выдерживает и размягчается до чувства умиления.

Перед этим страшным процессом личность Раскольникова с ее особенностями совершенно сглаживается и исчезает. Сперва поглотила его извращенная идея, а потом в нем с неодолимой силою просыпается *человек*, человеческая душа и мучит его своим пробуждением, с которым он старается совладать. При таких явлениях индивидуальность действующего лица, естественно, должна отступить на задний план. Так следует это из самого смысла романа. Преступление вовсе не есть действие, характеристическое для личности Раскольникова; люди, в характеристику которых входит преступление, совершают дела этого рода гораздо легче и совершенно *иначе*. Раскольникову же просто довелось *перенести* на себе преступление; можно сказать, что оно *с ним случилось* и душа его отозвалась на него так, как отозвалась бы, вообще говоря, душа *всякого* человека.

Итак, понятно, что личность Раскольникова подавлена самым событием и не представляет ясного типического образа. В этом отношении самая тема автора ставила его в выгодное положение, именно давала ему возможность высказать всю силу таланта, несмотря на недостаток полной типичности. Гораздо правильнее мы можем требовать более ясной типичности от остальных лиц романа. Их очень много, и они выполнены очень не равномерно. Наиболее удавшимися и даже вполне

удачными следует признать пьяницу Мармеладова и его жену Катерину Ивановну. Это действительные типы, ярко, отчетливо очерченные. В них ясно выразились главные достоинства таланта г. Достоевского. Он открыл читателям, как возможно относиться симпатически к этим людям, таким слабым, смешным, жалким, потерявшим всю силу владеть собою и походить на других людей.

Но главная сила автора, как мы уже заметили, не в типах, а в изображении положений, в умении глубоко схватывать отдельные движения и потрясения человеческой души. В этом отношении он достиг во многих местах своего нового романа до полного и удивительного мастерства.

Роман задуман и расположен очень просто, но вместе правильно и строго. Три года Раскольников живет в Петербурге, один, оторванный от своей семьи и терпящий большую нужду. Эти три года были, конечно, временем, когда молодой ум стал впервые работать над пониманием жизни, и работал с увлечением и односторонностью молодости. Роман открывается, когда идея преступления вполне созрела. Раскольников уже давно удалился от своих товарищей и был совершенно одинок. «С некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию» (т. I, стр. 2) и «бежал всякого общества» (т. I, стр. 14).

Впоследствии Раскольников прекрасно описывает свое состояние в это время. Он указывает даже на те свои наклонности, в которых злая мысль находила себе пищу, которые он разрабатывал в свою пользу.

«Предположи, — так говорит он Соне, — что я самолюбив, завистлив, зол, мерзок, мстителен». «Я вот тебе сказал давеча, что в университете себя содержать не мог. А знаешь ли ты, что я, может, и мог. Мать прислала бы, чтобы внести что надо, а на сапоги, платье и на хлеб я бы и сам заработал; наверно! Уроки выходили, по полтиннику предлагали. Работает же Разумихин! Да я озлился и не захотел. Именно озлился (это слово хорошее!). Я тогда как паук к себе в угол забился. Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и

тесные комнаты душу и ум теснят! О, как ненавидел я эту конуру! А все-таки выходить из нее не хотел. Нарочно не хотел! По суткам не выходил и работать не хотел, и даже есть не хотел, все лежал. Принесет Настасья – поем, не принесет – так и день пройдет; нарочно со зла не спрашивал! Ночью огня нет, лежу в темноте, а на свечи не хочу заработать. Надо было учиться, я книги распродаю; а на столе у меня, на записках да на тетрадях на палец и теперь пыли лежит. Я лучше любил лежать и думать. И все думал...» (т. II, стр. 224).

Самолюбие и то озлобление, которое от него происходит, вот те черты Раскольникова, на которые оперлась идея преступления. Прекрасно изображен процесс, обыкновенно происходящий в душе преступника: человек раздражает, натравливает себя на страшное дело, старается увлечься до самозабвения. Роман открывается в минуту полного развития этого процесса. Раскольников идет к процентщице, чтобы сделать пробу.

Но природа в нем возмущается, и им овладевает чувство бесконечного отвращения (т. I, стр. 12). Его вдруг что-то тянет к людям (стр. 14), и он сходится с Мармеладовым, провожает его домой и видит его семейство. Эта картина возбуждает в нем опять прилив злобы, и недобрая мысль опять воскресает (стр. 40). Получается письмо от матери с дурными вестями: сестра жертвует собой для блага матери и брата. Озлобление Раскольникова достигает высшей степени. Превосходно изображено волнение и внутренняя борьба, которую испытывает Раскольников вследствие письма матери. Мучительно разбирает он всю безвыходность своего положения, все бессилие свое поправить дело.

«Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он предчувствовал, что она непременно пронесется, и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя. Но разница была в том, что месяц назад и даже вчера еще она была только мечтой, а теперь.... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем

незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах».

Раскольников уже не владеет собой; мысль его одолела. Встреча с девушкой, которая только что увлечена на путь порока, еще глубже вонзает ему в сердце сожаление о сестре. Инстинктивно стараясь уйти от своей злой мысли, он направляется к Разумихину. Но он не понимает себя и, опомнившись, решает: «К Разумихину я на другой день, после того пойду, когда уже то будет кончено и когда все по-новому пойдет...» (стр. 81).

Но еще раз, в последний раз со всею силою пробуждается в нем душа. Он уходит куда-нибудь дальше от того дома, где «в углу, в этом ужасном шкафу и созревало все это». На дороге он засыпает на скамейке парка и видит томительный сон, в котором выражается протест души против задуманного дела. Он видит себя мальчиком, надрывающимся от жалости при виде бесчеловечно убиваемой лошади. Проснувшись, подавленный впечатлениями сна, он наконец ясно чувствует, как противится его природа замышляемому им преступлению. «Я не вытерплю, не вытерплю!» – повторяет он. «Он был бледен, глаза его горели, изнеможение было во всех его членах, но ему вдруг стало дышать как бы легче. Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно. «Господи! – молил он, – покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой мечты моей!» (стр. 92).

Рассказывать дальше – почти невозможно. Раскольников, измученный и истомленный своею внутреннею борьбою, наконец подчиняется мысли, которую так давно растил в душе своей. Описание преступления удивительно, и его невозможно передавать другими словами. Слепо, механически выполняет Раскольников давно окрепший замысел. Душа его замерла, и он действует как во сне. У него почти нет ни соображения, ни памяти; его действия бессвязны и случайны. В нем как будто исчезло все человеческое, и только какая-то звериная хитрость,

звериный инстинкт самосохранения дали ему докончить дело и спастись от поимки. Душа его умирала, а зверь был жив.

После совершения преступления для Раскольникова начинается двоякий ряд мучений. Во-первых, мучения страха. Несмотря на то, что все концы спрятаны, подозрительность не оставляет его ни на минуту, и малейший повод к опасению нагоняет на него мучительный страх. Второй ряд мучений заключается в тех чувствах, которые испытывает убийца при сближении с другими людьми, с лицами, у которых нет ничего на душе, которые полны теплотою и жизнью. Сближение это происходит двояким образом. Во-первых, самого преступника тянет к живым людям, потому что ему хотелось бы стать с ними наравне, отбросить ту преграду, которую он сам положил между ними и собою. Вот отчего Раскольников отправляется к Разумихину. «Сказал я (думает он про себя) третьего дня... что к нему после того на другой день пойду, ну что ж, и пойду! Будто уж я не могу теперь зайти...» По этой же причине он так усердно начинает хлопотать о раздавленном Мармеладове и сближается с его осиротевшим семейством, особенно с Со-нею.

Второе обстоятельство, по которому Раскольников очутился среди людей живых и имеющих близкие к нему отношения, заключается в приезде его семейства в Петербург. То письмо, которое было последним толчком к убийству, содержало в себе известие, что мать и сестра Раскольникова должны явиться в Петербург, где сестра и пожертвует собою, вышедши за Лужина.

Таким образом Раскольников, бывший до тех пор одиноким и удалявшийся от людей, теперь и волею и неволею окружен людьми, с которыми связан всего ближе. Читатель чувствует, что если бы эти люди были около Раскольникова прежде, то он никогда бы не совершил преступления. Теперь же, когда преступление совершено, эти люди дают повод к пробуждению в душе преступника всевозможных мук, вызываемых прикосновением жизни к душе, извратившей себя и коснеющей в своем извращении.

Таково весьма простое, но вместе очень правильное и искусное построение романа.

Очень правильно также развита известная постепенность в душевных страданиях преступника. Сперва Раскольников совершенно подавлен случившимся и даже заболевает. Первая его попытка сойтись с живыми людьми, свидание с Разумихиным, просто ошеломляет его. «Подымаясь к Разумихину, он не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойтись должен. Теперь же, в одно мгновение, догадался он уже на опыте, что всего менее расположен в эту минуту сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было на свете» (т. I, стр. 173). Он уходит, не владея собою. Точно так первые муки от боязни подавляют его. Они разрешаются страшным, томительным сновидением (удивительные две страницы, 178–179), после которого Раскольников заболевает.

Мало-помалу, однако же, преступник становится крепче. Он сходитсся с Разумихиным, хитрит с Заметовым, принимает деятельное участие в судьбе семейства Мармеладовых, в судьбе своей сестры, увертывается от хитрого следователя Порфирия, открывает свою тайну Соне и пр. Но, по мере того как преступник овладевает собою, страдание его не ослабевает, а становится только постояннее и определеннее. Сначала он еще чувствует порывы радости, когда страх, нагнанный какою-нибудь случайностию, отлегает вдруг от сердца или когда ему удастся сблизиться с другими людьми и почувствовать себя все еще человеком. Но потом эти колебания исчезают.

«Какая-то особенная тоска, — рассказывает автор, — начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на «аршине пространства» (т. II, стр. 239).

Вот те мотивы, на которые написана самая большая, центральная часть романа. Можно заметить, — хотя, право, в подобных вещах трудно полагаться на собственное суждение и лучше довериться проницательности художника, — что в душе

Раскольников, сверх страха и боли, должна бы еще занимать большое место третья тема – воспоминание о преступлении.

Воображение и память преступника, казалось бы, должны чаще обращаться к картине страшного дела. Чтобы пояснить свою мысль, припомним превосходное описание преступления в романе Диккенса «Наш общий друг». Учитель БRADLEY Гедстон убивает Евгения Рейборна. Состояние убийцы тотчас после преступления и избавления от опасности описывается так:

«Он находился в том состоянии духа, которое тяжелее и мучительнее угрызений совести. В нем угрызений совести не было; но злодей, который может отстранить от себя этого мстителя, не в состоянии избежать более медленной пытки, состоящей в непрерывной переделке своего злодеяния, и переделке его все с большим и большим успехом. В оправдательных показаниях и в притворных сознаниях убийц карающую тень этой пытки можно проследить в каждой говоримой лжи. Если бы я сделал это, как показывают, можно ли вообразить, чтоб я сделал такую-то ошибку. Если бы я сделал это, как показывают, неужели я оставил бы незамкнутою эту лазейку, которую ложный и злонамеренный свидетель так бесчестно выставляет против меня. Состояние злодея, непрерывно открывающего слабые места в своем преступлении, старающегося укрепить их, когда сделанного дела уже нельзя изменить, есть такое состояние, которое усиливает тяжесть преступления тем, что заставляет совершать его тысячу раз вместо одного; но это в то же время и такое состояние, которое в натурах злобных и нераскаянных карает преступление самым тяжким наказанием».

«БRADLEY спешил вперед, тяжело прикованный к идее своей ненависти и своего мщения, и все думал, что он мог бы удовлетворить то и другое многими способами, гораздо более успешными в сравнении с тем, что он сделал. Орудие могло быть лучше, место и час могли быть лучше выбраны. Ударить человека сзади в темноте, на окраине реки – дело довольно ловкое; но следовало бы тотчас же лишить его возможности защищаться; а вместо того, он успел обернуться и схватить своего противника, и потому, чтобы покончить с ним прежде, чем

явилась какая-нибудь случайная помощь, пришлось отделаться от него, поспешно столкнуть его в реку, прежде чем жизнь была окончательно выбита из него. Если бы можно было опять это сделать, то следовало бы сделать не так. Предполагается, что его голову нужно бы поддержать несколько времени под водой. Предполагается, что первый удар должен быть вернее; предполагается, что его следует застрелить; предполагается, что его следует задушить. Предполагайте что угодно, только не предполагайте оторваться от этой одной идеи; это оказалось бы неумолимой невозможностью».

«Учение в школе началось на следующий день. Ученики видели небольшую перемену, или совсем не видали таковой, на лице своего учителя, потому что оно всегда носило на себе медленно изменяющееся выражение. Но в то время, как он прослушивал урок, он все переделывал свое дело, и все переделывал его лучше. Становясь с куском мела у черной доски, он, прежде чем принимался писать на ней, задумывался о месте на берегу, и о том, не была ли вода глубже, и не могло ли падение совершиться прямее, где-нибудь выше или ниже на реке. Он был готов провести черту или две на доске, чтобы выяснить себе то, о чем думал. Он переделывал дело сызнова, все улучшая переделку — во время классных молитв, во время вопросов, задаваемых ученикам, и в течение всего дня» (кн. четвертая, гл. VII).

Казалось бы, нечто подобное должно совершаться и с Раскольниковым. Между тем Раскольников только два раза возвращается воображением к своему преступлению. Нужно при этом отдать справедливость автору, что оба воспоминания изображены с удивительною силою. В первый раз Раскольников по невольному влечению приходит сам на место преступления (т. I, стр. 265–268). Во второй раз после того, как мещанин назвал его на улице убийцем, он видит сон, в котором вторично убивает свою жертву (т. I, стр. 428–431). Этот сон и также два прежних сна, которые мы приводили, составляют едва ли не лучшие страницы романа. Фантастичность, свойственная сновидениям, схвачена с изумительной яркостью и

верностию. Странная, но глубокая связь с действительностию уловлена во всей ее странности. С этими снами невозможно и сравнивать последнего сна, который Раскольников видит в каторге (т. II, стр. 429, 430) и который есть явное сочинение, холодная аллегория.

Итак, центральная часть романа главным образом занята изображением припадков страха и той душевной боли, в которой сказывается пробуждение совести. По своему всегдашнему приему автор написал множество вариаций на эти темы. Одно за другим он описывает нам всевозможные изменения одних и тех же чувств. Это сообщает монотонность всему роману, хотя не лишает его занимательности. Но роман томит и мучит читателя, вместо того чтобы поражать его. Поразительные моменты, которые переживает Раскольников, теряются среди его постоянных мучений, то ослабевающих, то снова поражающих. Нельзя сказать, чтобы это было неверно; но можно заметить, что это неясно. Рассказ не сосредоточен около известных точек, которые бы вдруг озарили для читателя всю глубину душевного состояния Раскольникова.

Между тем многие из таких точек схвачены в романе, много в нем сцен, где состояние души Раскольникова обнажается с большою яркостью. Мы не станем останавливаться на сценах боязни, на этих припадках звериного страха и звериной хитрости (как выражается сам автор, см. т. I, стр. 189). Для нас, разумеется, гораздо интереснее другая, положительная сторона дела, именно та, где душа преступника пробуждается и протестует против совершенного над нею насилия. Своим преступлением Раскольников оторвал себя от живых и здоровых людей. Каждое прикосновение к жизни мучительно отзывается в нем. Мы видели, как он не мог видеть Разумихина. Впоследствии, когда добрый Разумихин стал заботиться и хлопотать о нем, присутствие этого добродушного человека раздражает Раскольникова до исступления (т. I, стр. 259). Но как рад Раскольников сам заботиться о других, как рад случаю примкнуть к чужой жизни по поводу смерти Мармеладова! Очень хороша сцена между убийцею и маленькою девочкою Полею.

«Раскольников разглядел худенькое, но милое личико девочки, улыбавшееся ему и весело, по-детски на него смотревшее. Она прибежала с поручением, которое, видимо, ей самой очень нравилось».

«— Послушайте, как вас зовут... а еще: где вы живете, — спросила она торопясь, задыхающимся голоском».

«Он положил ей обе руки на плечи и с каким-то счастьем глядел на нее. Ему так приятно было на нее смотреть — он сам не знал почему» (т. I, стр. 290).

Разговор кончается очень глубокою чертою. Поличка рассказывает, как она молится вместе с своею матерью, с меньшою сестрою и братом; Раскольников просит ее молиться и за него.

После этого прилива жизни Раскольников сам идет к Разумихину, но скоро теряет минутную бодрость и самоуверенность. Затем следует новый удар: приезд матери и сестры.

«Радостный, восторженный крик встретил появление Раскольникова. Обе бросились к нему. Но он стоял как мертвый: невыносимое внезапное сознание ударило в него как громом. Да и руки его не поднимались обнять их: не могли. Мать и сестра сжимали его в объятиях, целовали его, смеялись, плакали... Он ступил шаг, покачнулся и рухнулся на пол в обмороке» (т. I, стр. 299).

Каждый, раз присутствие родных и разговор с ними составляют пытку для преступника. Когда мать объясняет ему, как она рада его видеть, он перебивает ее:

«— Полноте, маменька, — со смущением пробормотал он, не глядя на нее и сжав ее руку: — успеем наговориться!»

«Сказав это, он вдруг смутился и побледнел: опять одно недавнее ужасное ощущение мертвым холодом прошло по душе его: опять ему вдруг стало совершенно ясно и понятно, что он сказал сейчас ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успеть наговориться, но уже ни об чем больше, никогда и ни с кем нельзя ему теперь говорить. Впечатление этой мучительной боли было так сильно, что он на мгновение почти совсем забылся, встал с места и, не глядя ни на кого, пошел вон из комнаты» (т. I, стр. 355).

По естественной реакции, эти муки вызывают в нем ненависть к тем, кто их вызывает собою.

«Мать, сестра, — думает про себя Раскольников, — как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу. Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...» (т. I, стр. 428).

Очень замечательно следующее место среди несвязных мыслей полубредящего Раскольникова:

«Бедная Лизавета! Зачем она тут подвернулась!.. Странно однако ж, почему я об ней почти и не думаю, точно и не убивал... Лизавета! Соня! бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые! Зачем они не плачут. Зачем не стонут. Они все отдают... глядят кротно и тихо... Соня, Соня! тихая Соня!..» (там же).

Затем Раскольников увлекается в борьбу с Лужиным и Свидригайловым. Но мысль как-нибудь опять вступить в живые отношения к людям продолжает мучить его. Он идет к Соне, с тем чтобы открыть ей свою тайну. Из разговора с нею он видит всю ее кротость, незлобие, нежную сострадательность. На него находит минута умиления.

«Он все ходил взад и вперед, молча и не взглядывая на нее. Наконец подошел к ней; глаза его сверкали. Он взял ее обеими руками за плечи. Взгляд его был сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали... Вдруг он весь быстро наклонился и, припав к полу, поцеловал ее ногу» (т. II, стр. 76).

Он откладывает, однако же, признание до другого раза. Наступает новая борьба с Порфирием и с Лужиным, и Раскольников опять набирается бодрости. Он идет к Соне признаваться уже как будто с надеждой убедить ее в своей правдивости; но его замыслы разлетаются в прах перед соприкосновением с живым лицом.

Сцена сознания есть лучшая и центральная сцена всего романа (т. II, 207–222). Раскольников терпит глубокое потрясение. «Он совсем, совсем не так предполагал объявить, и сам не понимал того, что с ним делалось» (стр. 212).

Когда наконец признание сделано, оно вызывает в Соне те слова и действия, в которых содержится приговор Раскольникова, приговор гуманнейший, как того требует самая натура Сони.

«Вдруг точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, перед ним на колени.

— Что вы, что вы это над собой сделали! — отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею» обняла его и крепко-крепко сжала его руками.

Раскольников отшатнулся и с грустною улыбкой посмотрел на нее:

— Странная какая ты, Соня — обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал *про это*. Себя ты не помнишь.

— Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете! — воскликнула она, как в исступлении, не слыхав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в истерике.

Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягчило ее. Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах.

— Так не оставишь меня, Соня, — говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее.

— Нет, нет; никогда и нигде! — воскликнула Соня.

Здесь человек вполне сказался в Раскольникове. Он не сознает еще, но уже чувствует, что несчастнее его нет никого на свете и что он сам виноват в своем несчастии.

«Соня, у меня сердце злое», — говорит он через несколько минут.

Наконец, муки его достигают крайнего предела. Тогда он, гордый, высокоумный Раскольников, обращается к бедной девочке за советом.

«— Ну, что теперь делать, говори! — спросил он, вдруг подняв голову и с безобразно искаженным от отчаяния лицом смотря на нее.

— Что делать! — воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали. — Встань! (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении.) Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем вслух: «я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет.

Пойдешь? Пойдешь? — спрашивала она его, вся дрожа, точно в припадке, схватив его за обе руки, крепко стиснув их в своих руках и смотря на него огненным взглядом».

Как видно, бедная Соня очень хорошо знает, что нужно делать. Но Раскольников все еще противится и старается побороть свое мучение. Он решается исполнить совет Сони только тогда, когда ловкий Порфирий довел его до того, что мог сказать ему в глаза: «Как, кто убил... — да вы убили, Родион Романович!» — и потом дал тот же совет, как и Соня.

Решившись наконец выдать себя, он прощается с матерью, которая только догадывается о том, в чем дело, и сестрою, которая все знает. Эти сцены, как нам показалось, слабее других. А главное, они не рождают в душе Раскольникова никакого нового чувства. Гораздо более значения и силы имеет одна из последних минут перед формальным сознанием Раскольникова. Он уже шел в контору через Сенную.

«Когда он дошел до середины площади, с ним вдруг произошло одно движение — одно ощущение овладело им сразу, захватило его всего — с телом и мыслию.

Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «я убийца!» «Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему подступило: загорелось в душе одной искрой, и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в ней размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...»

«Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз».

Тотчас после этого он предал себя.

Вот и весь душевный процесс Раскольникова. Мы не говорим о том воскресении, которое описано в эпилоге. Оно рассказано в слишком общих чертах, и сам автор говорит, что оно

относится не к этой истории, а к новой, к истории обновления и перерождения человека.

Итак, Раскольников до конца не мог понять и осмыслить движений, подымавшихся в его душе и составлявших для него такую муку. Он не мог понять и осмыслить и того наслаждения и счастья, которые почувствовал, когда вздумал последовать совету Сони. «Он был скептик, он был молод, отвлечен и, стало быть, жесток» — так говорит сам автор о своем герое (т. II, стр. 73). Ожесточение не давало Раскольникову понимать того голоса, который так громко говорил в его душе.

Теперь будет ясно, если мы скажем, что автором выполнена только одна из двух сторон, представляемых задачей.

В самом деле, в чем главный интерес романа? Чего ждет постоянно читатель с той минуты, как совершено преступление? Он ждет внутреннего переворота в Раскольнике, ждет пробуждения в нем истинно человеческого образа чувств и мыслей. Тот принцип, который Раскольников хотел убить в себе самом, должен воскреснуть в его душе и заговорить еще с большею силою, чем прежде.

Но автор так поставил дело, что для него эта вторая сторона задачи оказалась слишком большою и трудною, чтобы браться за нее в этом же самом произведении. Тут заключается и недостаток, и вместе достоинство романа г. Достоевского. Он задался так широко, его Раскольников так ожесточен в своей отвлеченности, что обновление этой падшей души не могло совершиться легко и представило бы нам, вероятно, возникновение душевной красоты и гармонии очень высокого строя.

Раскольников есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться цельно, без уступок, без остановок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской

души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до краю – так или иначе – портит жизнь и даже губит людей.

Одно из самых печальных и характеристических явлений такой гибели и хотел изобразить нам художник.

Примечания

Печатается по: Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. – М.: Современник, 1984.